Литвиновская, Ю.И. Восстановление позиций Православной церкви в Беларуси после войны 1812 г. / Ю.И. Литвиновская // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 81-91.

Ю.И. Литвиновсая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1812 г.

Война между Россией и Францией в 1812 г. оставила неизгладимые шрамы на белорусской земле. Беларусь, как и в войнах предшествующих столетий, оказалась в самом центре событий. Многочисленные сражения в ходе отступления и наступления русской армии, бесконечные реквизиции военными властями обеих сторон, беспощадные грабежи, допускавшиеся всеми армиями, привели к массовой гибели людей от военных действий, голода и эпидемий, а также экономическому опустошению Беларуси.

В ходе войны пострадали не только хозяйства крестьян и помещиков, но и культовые сооружения — церкви и монастыри. В наибольшей степени военные действия и грабежи отразились на положении православной церкви. Большой урон был нанесен ее имуществу, закрылись церкви, многие церковнослужители ушли вслед за отступающей летом 1812 г. русской армией вглубь России, прекратилась подготовка молодого пополнения для православной церкви.

На оккупированной территории начался захват имущества православной церкви представителями других церквей — католицизма и униатства, обострилось противоборство за переманивание в свои ряды православного населения.

Изгнание войск Наполеона из пределов Российской империи создало возможность для царского правительства выправить сложившуюся в Беларуси негативную для православия ситуацию. Предпринимаемые меры были решительными и незамедлительными.

В июле 1813 г. последовал царский указ о подсчете убытков, причиненных церквям во время войны. В Беларуси в этом вопросе ситуация была самая разнообразная, в зависимости от повета. В Мозырском, Пинском, Слуцком, Бобруйском поветах, например, церковное имущество практически не пострадало.

Во многих городах, особенно в крупных, церкви были превращены в лазареты и склады. Их имущество при этом было в значительной степени расхищено. Так, по информации протоиерея Фомы Сосновского, исчезли все серебряные изделия из Гродненского Софийского собора. Утварь ряда минских церквей накануне вступления в город французских войск была зарыта в землю. В результате она пришла в негодность. Протоиерей Екатерининской церкви Василий Соловьевич сообщал в Минскую консисторию, что сосуды и другие серебряные вещи, которые были зарыты в землю, «потеряли свой вид и сделались поврежденными от великой ржавчины; на чистку коих и позолотку, а иных и на переделку вновь немало потребно суммы». В самих же храмах Екатерининском и Марии Магдалины были соответственно лазарет и пороховой склад, в результате чего нанесен ущерб внутреннему убранству храмов [11, л. 15, 17, 69—71]. В Екатерининской трехпрестольной церкви «иконостасы все разломаны, из них один с правой стороны совсем со жжен так, как и престол, а посему и богослужение в ней не отправляется». Церковная же утварь, вывезенная приходским священником в Смоленск (новая чаша, крест напрестольный новый, осыпанный восточным хрусталем, и другие серебряные, парчовые, с золотой бахромой изделия), оказалась забранная неприятелем. «Минская кладбищенская деревянная церковь была занята порохом, так и внутри ничем

не повреждена, …но поелику касались ее варварские руки, то посему богослужение в ней прекращено» [7, с. 2].

Ряд церквей, особенно это касается Борисовского повета, через который беспрестанно двигались войска, были сожжены до основания. Среди них Лошницкая, Немоницкая, Нацкая. Сожжена Успенская церковь в Disненском повете [11, л. 69]. Многие церкви были осквернены, и богослужение в них также не проводилось. «В Борисовской Преображенской однопрестольной церкви деревянный иконостас, престол, окошки и ограда неприятелем сожжены, через что и служение в ней не

совершается». Соборная Воскресенская церковь в Борисове была «занята неприятелем под лазарет, иконостас весь в целости, пол, двери, окошки выломаны, престол сожжен, а потому и священнослужение в ней не совершается» [7, с. 2]. Церковное имущество пострадало как от войск неприятеля, так и от русских войск. Поручик 26-го егерского полка А. И. Антоновский, воевавший на территории Витебской губернии, писал по этому поводу, вспоминая события в деревне Белая. Французы «…во время перехода из Полоцка к Клястицам обдирали с образов церкви ризы, забирали сосуды, словом ничего не оставляли в храме, что только ценного находили» [4, с. 127—128]. Печальная участь постигла Юровичскую Георгиевскую церковь в Игуменском повете. Ее имущество подвергалось нападению дважды. Вначале все ценные вещи реквизировали французские солдаты. Священнику Лавриновичу удалось их выкупить у французов, заплатить десять рублей серебром собственных денег. Церковные вещи священник спрятал у себя дома. 8 ноября 1812 г. Юровичская церковь подверглась вторичному нападению. Через село проходил казачий полк во главе с полковником Луковкиным. Казаки во главе с майором П. И. Баевым основательно разграбили дом и усадьбу священника, забрав лошадей, сено, одежду, ковры. Не пощадили и церковные принадлежности. Казаки унесли с собой серебряный крест, расшитую золотом ризу, шелковые пояса и другие вещи [2, с. 137, 142; 10, л. 70].

Не только военные, но и местные помещики, пользуясь ситуацией, временами посягали на имущество церкви и духовенства. 24 августа 1812 г. помещик Липинский самовольно захватил принадлежавшие Борисовской Воскресенской церкви имущество. Он приехал со своими подводами на принадлежавшее церкви поле и забрал сложенную в копны рожь, скосил сено, забрал коров, свиней, другое имущество и все увез в свое селение Дубенёво.

В грабежах церковного имущества принимали участие и крестьяне. По словам игумена Ореста, который был очевидцем событий, «…фольварок Барсуковский (принадлежал Могилевскому архиерейскому дому. — Ю. Л.) архиерейскими же крестьянами был разграблен, амбары с зерновым хлебом разбиты, хлеб разный и 25 четвертей пшеницы расхищено, конопляного масла несколько бочек нарочито разлито; а также крестьяне разобрали несколько бочек водки из винокурни и из амбаров, сколько кто мог, тащили ведрами, горшками и горлачами, и скот, бывший в Барсуковском фольварке, весь разобран крестьянами, и птицы: гуси, утки и куры» [5, с. LXXXV].

Весьма поучительная история, свидетельствующая о непростых взаимоотношениях православной церкви с римско-католической, развернулась во время войны и в послевоенные годы вокруг архиерейского дома в Минске, резиденции православного архиепископа. Со вступлением в Минск наполеоновских войск дом находился в распоряжении французских военных. Везде были сбиты замки, сорваны печати, французы искали ценности даже в земле на архиерейском подворье, но на шли только документы на

владение духовными имениями. Только одного продовольствия из запасов архиепископа Серафима было взято почти на тысячу рублей серебром.

После того как французские военные оставили архиерейский дом, минская администрация принимает решение передать его римско-католическому епископу Якову Дедерко. Православным монахам, следившим за домом, было велено удалиться. Представители епископа, при бывшие осматривать резиденцию перед вселением туда Якова Дедерко, прежде всего решили воспользоваться понравившимися вещами из находившегося в доме имущества. Оставшиеся вещи, а они оценивались в 6418 руб. 61 коп. серебром, Я. Дедерко объявил своей собственностью. Это посуда, мебель, книги, одежда, ковры, предметы культа.

После войны началась длившаяся четверть века тяжба за архиерейское имущество между православной и католической церквями. Часть имущества католики возвратили. За оставшуюся часть в 1837 г. с Я. Дедерко было взыскано 2870 руб. 90 коп. На многие годы минский архиерейский дом превратился в источник противостояния между двумя конфессиями в Беларуси [12, л. 62; 6, с. 29].

Серьезно пострадали белорусские монастыри. Только в Минской и Гродненской губерниях, объединяемых Минской епархией, насчитывалось 10 таких монастырей. Состояния всех белорусских монастырей практически полностью сохранились. В отдельных зданиях имелись незначительные повреждения. Нанесенный ущерб определялся прежде всего сокращением их продовольственных запасов. Особенно серьезные потери имелись в Пинском Богоявленском, Слуцком Троицком и Брестском Симеоновском монастырях. Ущерб, нанесенный одному только Слуцкому монастырю, приближался к четырем тысячам рублей серебром [11, л. 63—67].

Практически все монастыри сохранили церковную утварь, ризницы, финансовые средства, которыми они располагали. Во всех их осуществлялось богослужение. На месте оставались и все монахи. Бежавших на восток вместе с отступавшими русскими войсками не оказа-

лось. Однако вследствие усиленных реквизиций продовольствия, фу ража, лошадей и крупного рогатого скота, предпринимаемых военными властями обеих воюющих сторон, монастыри крайне обеднели. Отдельные из них стали должниками. Особенно в трудном положении оказался Брестский Симеоновский монастырь. На начало 1813 г. он располагал суммой денег в 2 руб. 42 коп. серебром. Остро стоял вопрос о пропитании монахов. Для предотвращения их голода, по распоряжению архиепископа Феофилакта, Брестскому монастырю было перечислено 500 руб. серебром из Грозовского Богословского монастыря, который находился несколько в лучшем положении и располагал суммой денег в 1500 руб. серебром. Слуцкий и Дятеловичский монастыри оказались большими должниками. Первый задолжал своим кредиторам 2000 руб. серебром, второй — 4500 [2, с. 153—155].

Далеко не всем белорусским монастырям суждено было поправить свое разоренное войной хозяйство. Не удалось восстановиться, напри мер, шести монастырям Минской епархии, в том числе Симеоновскому — в Бресте, Успенскому — в Мозырском повете, Троицкому — в Дрогичине, Благовещенскому — в Друе. Все они были 1 августа 1824 г. об ращены в приходские церкви [13, с. 186]. В целом же если касаться материальных потерь, то из двух белорусских православных епархий больше всего пострадала Минская. Из примерно 300 церквей, принадлежавших ей, в той или иной степени были повреждены 57. Одни были сожжены, другие разграблены, третьи разрушены, многие осквернены. Внешний облик и внутреннее убранство ряда церквей и монастырей пострадали от использования их воюющими сторонами под лазареты, госпитали, конюшни, склады

продовольствия, фуража, военного имущества, боеприпасов [2, с. 130—131, 133—136, 138].

Вот, например, как выглядел комплекс сооружений, где до войны размещалось руководство Минской епархии: «Каменный корпус, к Минскому кафедральному собору прилегающий, в коем помещались консистория с архивом, и жили в нем соборные духовные чины и при казнослужители…хотя и уцелел от неприятеля по внешности, но внутри оного неприятелем проломаны стены и поделаны большие залы для помещения больных. Также некоторыя малые горницы, от этих больших залов отделенныя, от больных очищены, но в них испорчены стены и побиты окошки, прорублены двери. Колокольня и алтарь Кафедрального собора до основания разрушены. Все коридоры и сам двор завалены землею, костями, навозом и всяким дрязгом и нечистотами» [7, с. 2].

В меньшей степени пострадали культовые сооружения Могилевской епархии. Основная масса священнослужителей остались там на своих местах. В большинстве церквей регулярно проводились богослужения. Архиепископ Варлаам видел в этом свою заслугу. Он считал, что подобная ситуация в епархии — результат сотрудничества церковного руководства с новой властью во имя спокойствия в крае [1, с. 231].

Война отразилась и на количестве прихожан многих церквей. Так, в Пинском духовном правлении при трех церквях не осталось ни прихожан, ни священников, ни церковнослужителей [11, л. 52]. При восьми церквях Борисовского повета до войны состояло 1030 дворов, после войны осталось 766, при трех церквях Бобруйского повета было 521 — осталось 454, в Слуцком повете число дворов прихожан сократилось на 49 и т. д. Уменьшение паствы православной церкви, отмечается в документах, было результатом убыли населения вследствие военных действий [2, с. 131—133].

Обострилось противостояние церквей, особенно униатской и православной. Это отражалось и на межличностных отношениях служите лей различных конфессий. Так, униатские священнослужители отобрали у православных Смиловичскую Успенскую церковь. А униатский священник Антоний Шафалович разобрал на дрова дома пономаря и дьячка отобранной церкви. В селе Котляны Игуменского повета униатский священник Николай Корнилович отнял дом у православного священнослужителя, а саму церковь превратил в униатскую [2, с. 143, 159]. До войны численность униатских церквей в некоторых губерниях превосходила все остальные. Если в Витебской губернии накануне войны было 87 православных церквей, католических — 186, то униатских — 330 [14, с. 436]. Во время войны прихожане многих православных церквей перешли в униатство. Полностью лишились своих прихожан Рубежевичская церковь в Минском повете, Котлянская — в Игуменском, Рогатская и Ховхолицкая — в Борисовском и т. д. В Бобруйском повете активную работу по увеличению численности паствы униатских церквей проводил священник из Кролевской слободы Францишек Миронович. Наиболее массовые формы этот процесс принял в Пинском повете. При православных церквях оставались одни священники [2, с. 152, 159, 165, 185; 11, л. 53, 58].

Российское правительство незамедлительно принимает энергичные меры по укреплению положения православной церкви. Уже в процессе изгнания наполеоновских войск из пределов Беларуси правительство Александра I принимает энергичные меры по укреплению положения

православия. Церкви, ставшие во время войны униатскими, с ноября 1812 г. стали снова превращать в православные. Этот процесс шел при активном участии военных властей. «По вступлении российских войск в город Игумен, — рапортовал в Минскую духовную

консисторию протоиерей Василий Корженевский, — по повелению генерала Рахманова все церкви от униатских священников отобрал я и поручил священникам (православным. — Ю. Л.)». Предпринимались различные способы давления на униатское духовенство. Священника Смиловичской униатской церкви Ждановича, например, за то, что сбрил бороду и остриг волосы, как принято по униатскому обряду, офицер татарского уланского полка полковник Кноринг взял под стражу и отправил в Минск [8, л. 1].

27 ноября 1812 г. Александр I поручает члену Синода Рязанскому архиепископу Феофилакту возглавить работу по налаживанию церковной жизни на освобожденных территориях. В его компетенции также были вопросы восстановления храмов, помощи служителям церкви, потерпевшим во время войны, возобновления работы религиозных учебных заведений. Феофилакт направлялся в Смоленскую губернию, но его власти подчинены были и все западные губернии. «По мере того, — писал Александр I в своем рескрипте архиепископу, — как мо гут быть очищаемы от неприятеля и другие места оной (Смоленской губернии. — Ю. Л.), сопредельные вы будете распространять и на те части ваше влияние на праве делаемой вам доверенности» [3, с. 384]. Церковь получила серьезную материальную помощь от государства. Указом Синода от 13 марта 1813 г. для оказания помощи духовенству Смоленской и Минской епархий выделялось 100 тысяч рублей. 50 тысяч из них уже в течение ближайшего месяца было израсходовано в Минской епархии. 30 апреля царским указом Минской епархии было дополнительно выделено еще 8 тысяч рублей. Еще раньше царским указом от 9 апреля им была оказана помощь на строительство домов и на пропитание, «учитывая существующую в крае дороговизну». Неоднократно архиепископ Феофилакт, используя предоставленные ему царем полномочия, истребовал для помощи церкви значительные денежные суммы, как правило, в пределах 5 тысяч рублей, у губернских казенных палат. Выдаваемые пособия составляли от 50 до 250 рублей. Учитывая экономическую ситуацию в Беларуси, они были выше, чем в Смоленской и Калужской губерниях [2, с. 156—159, 172—175, 180, 186].

Большинство нуждавшихся в помощи служителей церкви принадлежало к Минской епархии. Только в Минской губернии 86 из них лишились домов. Десятки священников при наступлении французских

войск бежали из Беларуси и скитались по различным губерниям. Вернувшись, нашли свои дома разграбленными и теперь нуждались в самом элементарном: хлебе, одежде, обуви, семенах для весеннего сева, сельскохозяйственном инвентаре, рабочем скоте [2, с. 139—153]. Убытки священнослужителей только г. Минска, связанные с потерей имущества, составили 3206 рублей ассигнациями, Слуцкого повета — 4170 рублей серебром, Бобруйского повета — 2787 рублей серебром, Борисовского повета — 1820 рублей серебром, Пинского повета — 1082 рубля серебром [2, с. 139—145].

Деятельное участие в преодолении служителями культа трудностей военного времени принимал архиепископ Феофилакт, координировавший в Беларуси все работы по восстановлению деятельности православной церкви. «Я предложил духовенству четырех губерний — Смоленской, Калужской, Минской и Могилевской — снабдить пропитанием до нового хлеба, семенами для посева и достаточною суммою на пост роение домов вместо сожженных, и все сие будет приведено в действие около половины наступающего апреля; выдача на пропитание и на се мена уже окончена», — писал он в конце марта 1813 г. в Петербург графу А. А. Аракчееву [3, с. 470]. Минская консистория своими средства ми также оказывала помощь нуждающимся служителям культа. Так, в 1813 г. только в Минске получили единовременное пособие священник Стефан Бирюкович — 400 рублей, псаломщик Андрей Пигулевский — 260 рублей, причетник Семен Ватич — 204 рубля [9, л. 7—8].

Имелись случаи прямой помощи белорусским священно и церковнослужителям со стороны российских епархий. Так, в апреле 1813 г. Смоленская духовная консистория перевела с этой целью Минской епархии 1530 рублей [2, с. 183]. Однако все эти средства были использованы главным образом на компенсацию потерь служителей церкви. Текущее же финансирование было чрезвычайно скудным. Священникам и церковнослужителям не было выплачено жалованье за вторую половину 1812 г., не получили его они и в первом полугодии 1813 г. [2, с. 163].

Белорусские епархии испытывали определенный недостаток в кадрах. В результате бегства ряда служителей культа в Россию появились церкви, где не было священников. Процесс возвращения покинувших Беларусь служителей церкви шел медленно. Процесс пополнения их рядов за счет выпускников духовных учебных заведений почти не наблюдался. Минская и Могилевская же духовные семинарии во время войны прекратили свою работу. Семинаристы разошлись по домам.

Сами учебные заведения серьезно пострадали: выбиты окна, повреждены печи, расхищены библиотеки. На счетах семинарий не было денег. Однако, несмотря на все трудности, в феврале 1813 г. в тех классах, куда явились учащиеся, начались занятия [2, с. 154—155].

С весны 1813 г. начинается активный процесс восстановления пострадавших и строительства новых церквей. 12 марта Минская консистория принимает решение о восстановлении Екатерининской церкви в Минске. В результате использования ее под лазарет французскими властями в негодность было приведено все ее внутреннее убранство; раз ломаны иконостасы, сожжены престолы. Для ремонта церкви требовалась сумма в 300 рублей серебром. Потребность в церкви была большая, ибо в Минске в это время, кроме Кафедрального собора и церкви Марии Магдалины, действующих церквей не было. Поднимается вопрос о восстановлении церквей в Гродно, Дисне, Минском, Игуменском, Бобруйском и Слуцком поветах [2, с. 130, 172].

Специальный представитель Синода в Беларуси архиепископ Феофилакт в своем послании в Синод 24 марта 1813 г. предлагает программу строительства новых каменных церквей вместо сожженных деревянных. Минской консистории он поручает выработать конкретные предложения по вопросу как строительства новых, так и восстановления пострадавших храмов и через Минского архиепископа Серафима пред ставить планы, проекты и сметы в Правительствующий Синод для их утверждения и выделения финансовых средств [2, с. 164]. При возведении новых церквей использовались и средства населения. Минская консистория рекомендовала местным духовным правлениям в таких случаях «…спросить прихожан: могут ли они своим коштом выстроить новую каменную церковь, хотя небольшую и без излишних архитектурных украшений» [2, с. 164, 182].

Ощущая острый недостаток денежных средств, православная церковь в первые месяцы после изгнания из пределов страны иностранных войск делает шаги по оказанию помощи населению. По царскому указу от 8 мая 1813 г. это осуществлялось посредством установки в храмах кружек для сбора пожертвований «в пользу потерпевших от неприятеля разорение». Мера эта не могла принести ощутимой помощи нуждающимся, так как в ней испытывало потребность практически все на селение Беларуси, а оказывать ее было некому. Многие служители церкви прямо сообщали об этом вышестоящему руководству. Так, например, игуменский протоиерей Василий Корженевский писал Минскому архиепископу: «…многие прихожане разорены, а в церквах от подая-

ния очень мало и в прежние годы поступало». В результате в большинстве храмов кружки на протяжении многих месяцев оставались пусты ми, в лучшем случае в них накапливались однорублевые суммы за четыре-пять месяцев [10, л. 23, 30, 34, 36, 37, 44, 52]. Вместе с тем обращение к такой форме оказания помощи потерпевшим во время войны как подаяние, решение о котором было принято на самом высоком уровне, через царский указ, свидетельствовало о кризисном состоянии финансов России во время войны с Наполеоном. Государство не было в со стоянии оказать помощь потерпевшим разорение и вынуждено было обратиться к церковной благотворительности.

Война 1812 г. имела самые неблагоприятные последствия для религиозной жизни в Беларуси. Прежде всего она привела к серьезным материальным потерям церквей и монастырей. Ущерб нанесен был собственности всех конфессий, но особенно пострадала православная церковь в Минской епархии и униатская в Полоцкой, служители которых не принесли присяги на верность французскому императору. Ущерб церкви нанесен был как через разрушение храмов, использование их в раз личных целях для нужд армии, так и через реквизицию ее продовольственных ресурсов, а также разграбление ценностей.

В Беларуси во время войны осложнились межконфессиональные противоречия, и особенно между униатами и православными, имевши ми ранее государственную поддержку. Православие оказалось в особенно сложном положении. За его счет стремились усилить свои позиции и католическая, и униатская церкви. Противоборство униатского духовенства с православным приобрело грубые, насильственные формы. Это выразилось в захвате православных церквей униатскими священника ми, отходом от православной церкви отдельных приходов. В свою очередь, католическая церковь развернула энергичную деятельность по во влечению в свое лоно униатского населения. Католическое духовенство, мечтавшее о восстановлении Речи Посполитой, начинает рассматривать свою конфессию как главенствующую, как это было многие годы до раздела польского государства. Однако эти процессы имели локальный характер. Все противоречия религиозного толка отступали на задний план в сравнении с общей бедой для всего населения Беларуси, принадлежавшего к различным конфессиям, всеобщим разорением, гибелью людей, грабежами, насилием, эпидемиями. Наиболее тяжелым последствием войны 1812 г. для Беларуси была потеря многих и многих человеческих жизней. На белорусской земле война оставила свои от метки практически повсеместно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1912. Т. 3. X, 10, LIV, 498 с.

2. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912. Т. XXXVII. L, 544 с.

3. Дубровин, Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.) / Н. Дубровин. СПб., 1882. 692 с.

4. Записки А. И. Антоновского // Харкевич, В. 1812 год в дневниках, записках и вос поминаниях современников / В. Харкевич. Вильна, 1904. Вып. 3. 217 с.

5. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящих ся к истории СевероЗападной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. Приложение. С. I—CII.

6. Краснянский, В. Г. Минский департамент Великого княжества Литовского / В. Г. Краснянский. СПб., 1902. 72 с.

7. Лисова, Л. Лыко для Наполеона / Л. Лисова // Советская Белоруссия. 2002. 26 октября. С. 2.

8. Национальный исторический архив Беларуси (далее —НИАБ). Фонд 136. Оп. 1. Д. 2904.
9. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 2929.
10. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 2930.
11. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 2935.
12. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 3039.
13. Никотин, И. А. Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях / И. А. Никотин. Вильна, 1886. Т. 1. 386 с.
14. Сапунов, А. Витебская старина / А. Сапунов. Витебск, 1883. Т. 1. 668 с.